ЧЕМ ЖИВ ТЕАТР

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

всем, что за пределами ее. Согласен, есть в этом что-то симпатичное, даже трогательное («художник — большой ребенок»), и могут быть прекрасные спектакли, рожденные удивительной его интуицией. Но для меня такая наивность все более утрачивает свои привлекательные свойства. Потому что не раз приходилось наблюдать: яркий человек тускнел на глазах, оказывался в мучительном кризисе и в поисках выхода из него вгрызался в дело еще исступленнее, не понимая, что именно эта узкая, однобокая исступленность лишает его широты понимания искусства и жизни, а без такой широты неминуемо иссякает круг идей, питающих творчество. Сегодня, более чем когда бы то ни было, театр не может, питаясь только театральными соками, оставаться театром в значительном смысле этого слова.

...Павлодарский областной драматический театр им. Чехова я застал на гастролях.

— Ну, почему же не в Павлодар приехали? Город бы вам показали, поводили бы по заводам...— так меня встретили.

Уже после — о том, что по условиям гастролей из новых спектаклей удалось взять только один — «Братья Карамазовы», да и для него местная сцена не очень-то приспособлена. И снова: из дому пишут—в степи черное облако — ветер, целина в воздухе, как-то сложится в этом году с урожаем...

Некоторое время назад театр этот был в Москве, о нем немало писали. Думаю, у каждого, кто так или иначе соприкасался с ним, рождалось некое ощущение прочности, основательности, а отсюда — желание повидаться снова, узнать поближе. И несколько дней, что провел я в этот раз в обществе павлодарских артистов, их директора Владимира Ивановича Ермакова, их главного режиссера Владимира Николаевича Кузенкова, все укрепляли это ощущение, придавали ему конкретные формы.

Живется им нисколько не легче, чем любому другому нищему, современному коллективу, оказавшемуся в городе, где не было серьезной театральной традиции, где эстетическое развитие немалой части зрителей ниже, чем хотелось бы. Приехав в Павлодар (а большинство актеров опять-таки приезжие), работать они, в общем, уже умели, как умели работать многие, начинавшие на энтузиазме, подобно им.

Говоря об одной из таких, неудавшихся в итоге попыток Ермаков замечает:

— Они с самого начала совершили непоправимую ошибку. Они обидели город.

Я убежден: ребятам очень хорошо было знакомо это чувство снисходительного превосходства — к прежнему театру, когда они увидели, что он не отвечает их представлениям о минимально приемлемом художественном уровне. К зрителям, той их части, которую он, этот прежний театр, вполне устраивал. И директор, павлодарский старожил, человек большого жизненного опыта и завидной проницательности, понимая, что без этих ребят современного театра не создать, понимал и другое: решающе важно не дать выхода таким настроениям, особенно после первых спектаклей обновленной труппы, которые, конечно же, окажутся лучше предшествующих. Решающе важно приложить максимум усилий к тому, чтобы сделать ребят частицей города, заразить его будущим, перспективами, новостройками, привить вкус к охоте, к рыбалке на Иртыше в конце концов. Выработать нравственные нормы жизни коллектива, на которых основывалось бы, которыми направлялось бы творчество. «Нечестно, аморально создавать свой театр в городе, который тебе чужд, традиции которого ты не уважаешь»,— с усвоения этой, по мнению директора, истины истин следовало начинать.

Не мириться с отсталыми художественными традициями, но понимать, что, коль скоро они есть, результата можно добиться не оскорблением этих традиций, а кропотливой работой над созданием новых. Не оправдывать дурное в человеке, но взывать к лучшему в нем. Уважать чужие убеждения, ни на йоту не поступаясь собственными.

Я смотрел в Павлодарском театре ошеломляющие неожиданных «Братьев Карамазовых» — спектакль о неисчерпаемости душевных сил русского человека, о могуществе его совести и, как бы ни сложилась жизнь, неуничтожимости нравственных основ. Это непреходяще, вечно, а срывы, падения героев, даже непоправимые, страшные — как бы побочный продукт, результат переизбытка здоровой душевной энергии в неумении пока еще ее направить.

Достоевский многограннее, сложнее? Конечно. Но что делать, если сегодняшнему внутреннему состоянию, мироощущению павлодарских артистов близка именно эта его сторона. И потому они обратились к «Карамазовым», и потому не могли поставить их никак иначе. Вот и попробуй разделить их жизненные и эстетические принципы. То, какие они художники и какие граждане Павлодара. И именно поэтому театр становится больше, чем театром. Он как бы начинает аккумулировать в себе культурную энергию города.

Это активное мироощущение, понимание жизни как непрерывного революционного действия, отношение к ней как к широкому строительству — домов, машин, человеческих душ,—оно во всем, в любом штрихе и детали.

И в том, как счастливо угадал Ермаков в двадцатитрехлетнем Владимире Кузенкове главного режиссера театра. В двадцатитрехлетнем — главного!

И в том, как ночи напролет просиживают ребята за изучением ленинских томов.

И в том, как охотно, много, напористо читают в молодежной аудитории стихи любимых поэтов Олег Афанасьев, Дорман Дралюк и другие. Поэтические вечера артистов театра стали в Павлодаре традицией.

И в том, как во время беседы о трудностях работы периферийного театра, о рутине, которую иногда так трудно преодолеть, Леня Монастырский, артист, один из основателей коллектива, вдруг бросил, указывая на здание, где проходили гастроли:

— Ну хорошо, а какая такая окружающая рутина мешает им засыпать многолетнюю яму во внутреннем дворе и вообще придать помещению элементарно приглядный вид?

И было в этом риторическом вопросе горестное удивление людьми, способными, ссылаясь на объективные и вполне реальные трудности, допустить хлев в своем доме, в своем деле.

Павлодарские артисты могут навести порядок у себя в доме. Могут, между прочим, еще и потому, что многие из них овладели едва ли не всеми профессиями, которые существуют в театре и при театре. А штатные осветители, рабочие сцены здесь — молодые ребята, которые занимаются в студии, организованной на общественных началах и работающей по программе театрального вуза. Преподаватели — артисты театра. Выполняют студийцы не только положенную по штату работу, но любую, какую им поручат. В частности, ездят по заводам, предприятиям города, пропагандируют театр, изучают зрительские запросы и интересы.

— А что делать тем, кто по окончании студии в театр не попадет?

— Кое-кто отсеивается в процессе учебы,—поясняет Ермаков,— но из окончивших студию в театре остаются практически все. Сейчас положение таково, что нам нужен и еще долго будет нужен любой человек, который понимает нас, разделяет наши взгляды, хочет работать с нами.

Сделаем несбыточное предположение, ну, в плане глубокой мистики: кому-то влетела в голову отважная мысль решительно переформировать павлодарскую труппу. Или, к примеру, театр вовсе закрылся. Я уверен, большинство тех, кто в нем работал, остались бы в городе. И нравственное влияние их ощущалось бы по-прежнему. Как, в каких формах? Не знаю. Но в том, что ощущалось бы,— абсолютно уверен.

Только никуда этот театр не денется. И все его останется при нем.

Нравственный климат — понятие слишком неосязаемое, его не порекомендуешь к внедрению. Здесь у каждого свой опыт и свой резон. И, разумеется, никто никому не может дать гарантий, что вот теперь-то все и будет хорошо. Затруднения, какие были, останутся, и острые моменты еще возникнут. Тем важнее готовность к ним, умение понять: там, где его, этот нравственный климат, не удалось создать, новый художественный организм неизбежно оказывается постройкой пусть современной и даже блестящей, но воздвигнутой на песке и никак не защищенной перед натиском самых разных ветров и стихий: в реальной невыдуманной жизни непременно существующих. Поэтому и подумалось: тем, кто намерен пробовать свои силы в сфере, ставшей предметом нашего сегодняшнего разговора, нелишне, наверное, знать, как с этим делом обстоит в Павлодаре, где коллектив единомышленников существует уже 7 лет. Хотя бы просто для эрудиции.

К. ЩЕРБАКОВ.